

СУББОТА, 21 МАРТА 1925 Г. № 65 (2996).

Театр и музыка.

«БАТАГА».

(Театр Пролеткульта).

Плохо.

Весь спектакль, от начала до последнего грохочущего взрыва, с которым обрушиваются последние надежды зрителя, весь он — одна нестерпимая фальшивая нота, глумливая несприятная, неоправданная выстойчивостью. И пока на протяжении трех актов, предвещая трюмы баллиадами вилтраков, тянется пустыня криков, завываний и стонков — проходят и особые переживания зрителя: от радостного предвкушения новой победы театра Пролеткульта, через ожидание, недоумение, досаду, разочарование, тоску — к тяжелой тоскливой скорби об утерянном вечере.

Пьеса Гладкова? Вы помните «На дне» Горького? Если не входить в детали и подробности, а определить пьесу по тону и строению, то можно круто определить:

— Плохо «На дне» с хороним концом.

Концов хороший — не со стороны изложения, а в смысле сюжетного благополучия: у Горького босяки оставлены в моральном и социальном тупике, а рыбаки и соловьишки подымают восстание, чуть ли не в артиллерийской стрельбой.

Конечно, среда у Гладкова взята совсем другая, чем у Горького, в эпоха другая, и вероятия и устремления героев иные, а вот тон пьесы — совсем горьковский, только несколько хуже.

Ф. Гладков пытался изобразить социальную борьбу на заброшенных рыбных промыслах в Каспийском море, где даже в дни революции осталось в целости темное царство аверинных правов, где классовое самосознание только нарождается и конфликт с капиталом носят первобытный характер. Но вместо крепких, цельных, соленых фигур полулюдиного «рыбного края» в пьесе кувыржаются истеричные неврастеники типичные азиатского городского типа. «Характерные» глаголы «подтадыпывать», «забураживать», «булгачить», «губошлепать», разбросанные в тексте, мало помогают достоверности героев.

Вместо явственного назревания столкновения темных рыбьих предпринимателей зритель видит лишь бестолковую суету и метание укушенных какой-то мухой людей.

Театр сделал все, чтобы пьеса не дошла до зрителя. Благодаря ли плохой акустике в новом здании, благодаря ли специальному прощанию актеров (раньше в Пролеткульте этого не было), три четверти текста остались в аудитории неизвестны. Поэтому публики на премьере, в большинстве пролетарская, вполне безучастно наблюдала внешнее передвижение актеров по сцене. Сильное впечатление произвели представители роли киргиза, который, будучи смертельно ранен, в последний момент сделал акробатический кулбас и, так сказать, на руках вошел в царство небесное. Впрочем, этот эффект вряд ли входил в основные идеологические задачи автора.

Бесчисленными теоретиками старого и нового театра еще не написана особая книга о провалах. Несомненно, такая книга будет и несомненно в ней будут рассматриваться два вида провалов: «честные» и «нечестные». Ко старой категории надо отнести провалы спектаклей, задуманных дирекциями театров специально в расчете на кассу, спектаклей, поставленных цинично, какое-нибудь чувствительное или слабое место зрителя. Провалы же «честные» мы считаем неизбежными в процессе работы всякого серьезного театра, выдержавшего и стойко идущего свой художественный путь, создавшего свое художественно-идеологическое лицо. Неудачи «Батаги» ни в какой мере не характеризуют упадка театра Пролеткульта. Крах промежуточных театральных приемов, разразившийся в этой постановке, покажет Пролеткульту необходимость подойти к постановке бытовых пьес более выдержанным режиссерским методом. В этом будет опытный урок «Батаги» при работе театра над новыми пьесами — так мы надеемся.

Михаил Кольцов.